

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 210–228.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 210–228.

Обзорная статья / Review article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-210-228

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКО-НЕМЕЦКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ОТ ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ К ПРОЕКТУ МОДЕРНА»

Международная лаборатория русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва, 19–20 ноября 2021 года

Виктория Александровна Кукушкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

vakukushkina_1@edu.hse.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзор докладов, прочитанных на Международной научной конференции «Русско-немецкая интеллектуальная история: от проекта Просвещения к проекту Модерна», которая состоялась 19–20 ноября 2021 года.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Россия, Германия, диалог, проект Просвещения, проект Модерна

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кукушкина В. А. Международная научная конференция «Русско-немецкая интеллектуальная история: от проекта Просвещения к проекту Модерна» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 210–228. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-210-228>.

Academic Life. Reviews

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“RUSSIAN-GERMAN INTELLECTUAL HISTORY:
FROM THE PROJECT OF ENLIGHTENMENT TO THE PROJECT OF MODERN”

International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual
Dialogue of HSE University, Moscow, 19–20 November 2021

Victoria A. Kukushkina

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vakukushkina_1@edu.hse.ru

Abstract. The article is a review of the reports, read at the International scientific conference “Russian-German Intellectual History: From the Project of Enlightenment to the Project of Modern”, 19–20 November 2021.

Keywords: intellectual history, Russia, Germany, dialogue, Project of Enlightenment, Project of Modern

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kukushkina, V.A. (2022) ‘International Scientific Conference “Russian-German Intellectual History: From the Project of Enlightenment to the Project of Modern”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 210–228. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-210-228.

Международная научная конференция «Русско-немецкая интеллектуальная история: от проекта Просвещения к проекту Модерна» проходила в онлайн-формате с 19 по 20 ноября 2021 года в рамках Российско-немецкого научного форума. Чуть раньше, 12 ноября состоялось дрезденское заседание, посвященное празднованию 200-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского¹. Связующим звеном между этими двумя форумами ста-

¹ Обзор форума опубликован в этом номере журнала. — *Примеч. ред.*

ли участники обоих заседаний Хольгер Куссе и Владимир Карлович Кантор. Программа конференции 19 и 20 ноября носила ярко выраженный междисциплинарный характер. Она оказалась более обширной по объему и содержанию и охватила различные способы преломления русско-немецкого диалога в целом ряде дисциплин. Спикеры конференции представляли разные страны, разные подходы, разные перспективы рассмотрения. Междисциплинарность прошедшей конференции была обусловлена участием философов, теологов, историков, филологов. Она стала серьезным шагом в направлении исследования русско-немецкой интеллектуальной истории и важным знаковым событием для Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (МЛРИД НИУ ВШЭ) — шагом, приглашающим к размышлению на озвученные темы и осмыслению новых животрепещущих вопросов.

С открывающим первый день конференции докладом выступил д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Евгений Вячеславович Казарцев. Он рассказал о влиянии немецкого стихосложения на творчество М. В. Ломоносова. Фигура Ломоносова существенно важна и как поэта, создателя русской силлабо-тоники, и как яркого представителя своей эпохи. Е. В. Казарцев проследил влияние немецкоязычной среды в обоих этих регистрах, проливая свет на генезис ритмики русской поэзии. «Хотинская ода» — точка бифуркации для русского стихосложения, которая напрямую связана с немецкой поэтической традицией. Докладчик выявил особый ритмический рисунок этой оды и провел семантические и композиционные параллели с немецкими текстами, в первую очередь с «Одой принцу Евгению». Таким образом, привлекая различные методы анализа, исследователь открыл нам Ломоносова как человека двуязычного, героя двух культур и их синтеза. Ритмические структуры стихов Ломоносова оказываются построены на основе немецкого языка, а содержание в них — русское. Билингвизм в самом мышлении Ломоносова важен в контексте исследования его творчества. Он также задал общий тон всей конференции.

Если у Е. В. Казарцева Ломоносов рассматривался как поэт, то в выступлении проф. Хольгера Куссе (Дрезден) мы встречаемся с Ломоносовым как с представителем немецкого рационализма. Куссе очертил круг основных интеллектуальных ориентиров: в первую очередь Х. Вольф — живой классик немецкого рационализма, а также Готтшед и Лейпцигское Просвещение в питерской Академии наук. Восстанавливая эти зоны влияния, исследователь получил возможность рассмотреть и само содержание философии Ломоносова, его про-

грамму и сочинения. Мы видим здесь упор на рациональность как на метод, приложимый ко всему в мире. Междисциплинарные исследования Ломоносова практически во всех плоскостях знания иллюстрируют универсальность данного метода. Возможность сказываться обо всем возникает благодаря способности выделять общие структуры и раскладывать их на части. Таким образом, Куссе деконструировал рациональный метод как процедуры количественного сложения и вычитания. Корпускулярный характер такой философии подводит к лейбницианской мысли и «Логике Пор-Рояля» Антуана Арно и Пьера Николя. Таким образом у Ломоносова понимается всё — от структуры межличностной коммуникации до устройства физического мира. Он следовал по пути Вольфа, который отражал практически весь западноевропейский рационализм, что позволило Куссе говорить о важнейшей преемственности в русском и европейском интеллектуальном поле той эпохи.

Доклад адъюнкт-профессора школы языков, литературы, культур и лингвистики Университета Монаш Слободанки Владив-Гловер (Мельбурн, Австралия) продолжил линию поиска параллелей и влияний между немецкой и русской культурами, но уже в контексте творчества Достоевского и его связи с гегелевской философией. Докладчик познакомила слушателей конференции с философией исторического процесса, теорией субъективности Гегеля и их отражением в поэтике романа «Идиот». Философия истории и теория субъективности сливаются у писателя в одну модель, в которой всемирный исторический процесс находит выражение через всемирно-историческую личность. Мировой дух реализует себя и открывается, когда проявляется через волю отдельного субъекта, который всегда существует в определенном обществе на определенном этапе его развития. Выступающая показала, как в «Идиоте» мы наблюдаем за гегелевскими субъектами, которые реконструируют генеалогию русской общественной жизни через индивидуальную волю. Гегель утверждает, что разум управляет миром и его историей. Однако именно страсть и личная воля — вот те пружины, которые движут всемирную историю, а они воплощены в индивидууме и его языке. Именно этим характеризуются персонажи в «Идиоте»: они обретают реальность через повествование, собственное выражение мысли. Человек у Достоевского проявляется в том, как он осознает себя и как рассказывает о себе. Данный параллелизм между Гегелем и Достоевским вскрывает важнейшие интуиции эпохи, осмысленные и эстетизированные как в европейской, так и русской культуре.

Вступительная часть конференции была продолжена докладом д-ра филос. наук Бориса Исаевича Пружинина и д-ра филос. наук Татьяны Геннадьевны Щедриной (Институт философии РАН, Москва). Они затронули тему понима-

ния и осмысления проблематики, связанной с философией языка в различных эпохах, в контексте проекта Просвещения, Модерна и Постмодерна. Исследователи поэтапно восстановили хронологическое развитие этой тематики. Просвещенческое видение было заточено на знании как основе всего, при этом делался упор на утилитарном использовании языка как средства расширения эмпирического знания для его практического применения. В докладе прослежен ход мыслей таких философов, как братья Гумбольдты, Шпет, Больцано, Гуссерль, что указывает на «немецкость» данной тематики, которая потом была продолжена в Московском лингвистическом кружке. Выступающие охватили широкий историко-философский контекст и представили детальный анализ развития философии языка.

В заключение первого заседания выступила канд. филос. наук, младший научный сотрудник МЛРИД НИУ ВШЭ (Москва) Ирина Олеговна Щедрина, рассказавшая о фигуре Н. И. Пирогова и репетиции его научного и философского пути в немецком дискурсе. Контекст медицинского сообщества XIX века и круг практикующих врачей дает обширный материал для проникновения в феномен межкультурного общения той эпохи. Пирогов являлся его ключевой фигурой. Он реформировал медицинское знание, возводя авторитет анатомии и физиологии на подобающий уровень, и способствовал укреплению связи и единства сообщества практикующих врачей. Докладчик проиллюстрировала фигурой Пирогова важность создания и поддержания единого культурного и научного интеллектуального поля.

* * *

Работа секции, посвященной проблемам образования и университетской среды, началась с заслушивания доклада Dr hab., сестры Терезы Оболевич (Папский университет Иоанна-Павла II, Краков, МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) о влиянии Лейбница на русскую культуру и философию. Оно выражалось во взаимном интересе немецкой и русской культур, которое проявилось, в частности, в общении между Лейбницем и Петром I. Для Петра Лейбниц был экспертом, который мог помочь с реформами, с реализацией идеалов Просвещения в Российской империи. Лейбниц же видел в Петре великого политика, который мог бы воплотить в жизнь его проект развития наук. Кроме того, он нашел в Петре благодарного слушателя и ученика. Несмотря на патерналистский характер этих отношений, это был взаимный интерес. В 1716 году Лейбниц признавался, что чем больше он узнает характер Петра, тем больше им восхищается. Сестра Тереза подчеркнула важность образовательных проектов для реализации планов Лейбница и Петра I. Кроме того, философское влияние

Лейбница можно найти у Радищева, Конисского и Сковороды. В России не обошлось и без критического отношения к философии Лейбница, которое дало начало русскому неoleyбницианству — уникальному явлению, не имеющему аналогов на Западе.

Д-р филос. наук Татьяна Витаутасовна Чумакова (СПбГУ) выступила с докладом, посвященном активному воздействию немецкого пиетизма на русскую культуру посредством дидактической литературы. Основными действующими персонажами здесь являются сторонники пиетизма, которые жили в Немецкой слободе. Т. В. Чумакова восстановила историю развития пиетистской мысли от Иоганна Арндта до Августа Германа Франке и раскрыла ее содержательную сторону — соучастие и сомыслие всех верующих, превалирование личного переживания, приоритет образования и воспитания в рамках христианского учения, но с упором на практические умения и изучение различных дисциплин. Ярчайший русский представитель этого течения — В. А. Жуковский, переводчик и литературный критик, занимавшийся воспитанием императорских детей.

В докладе канд. филос. наук Елены Анатольевны Овчинниковой (СПбГУ) затрагивается университетская среда. Он посвящен этике и взаимосвязи немецкой и русской мысли в этой предметной области. Е. А. Овчинникова очертила основные этапы становления этики как теоретической науки и дисциплины в контексте связи между Россией и Германией. Этика в Россию впервые проникла в схоластическом контексте через переводы латинских текстов, сделанных киевскими коллегами. Переход к этике в секулярном пространстве был произведен Феофаном Прокоповичем (интенцию которого разделял и Х. Вольф). Он четко систематизировал и определил место моральной философии. С начала XIX века в этический дискурс встраивается И. Кант, чья философия вызвала большой интерес и даже получила критическое освещение. Однако в 1820-е годы завершился этап ее освоения: этика Канта, по сути, стала причиной закрытия философских факультетов как области возможной интеллектуальной турбулентности. Докладчик отметила, что каждый раз, когда в дальнейшем этика будет возвращаться в российские университеты, она станет приходить туда в кантовском звучании. Так что этика Канта оказалась у истоков более современного теоретического и дисциплинарного поля изучения моральных вопросов.

Тему русско-немецкого интеллектуального диалога продолжила д-р филол. наук Ирина Николаевна Лагутина (НИУ ВШЭ, Москва), показавшая влияние немецкой религиозно-мистической литературы на либерализацию религиозной ситуации в России в эпоху Александра I. Роль немецких писателей-мистиков

оказывается крайне важной, так как интерес к этому корпусу текстов проливает свет на устанавливающиеся и уже установившиеся ценности и ориентиры той эпохи. Этот интерес был предопределен Наполеоновскими войнами, ролью Александра I и его внешними и внутренними политическими амбициями. Выступающая раскрыла ту эпоху как время европеизации общества, его секуляризации, появления новых ценностей, преобразования традиционного консервативного сознания, интерес к пиетизму и мистицизму. Писатели и философы, вроде Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга, Франца Ксавера фон Баадера, стали создателями религиозных концепций, крайне востребованных в России, для которой процесс европейской секуляризации был излишне болезненным и не подходил для большинства в Российской империи. В этом отношении, обращение к немецкой традиции уравнивало и обогащало интеллектуальную среду того времени.

Не менее важной фигурой XIX века являлся князь В. Ф. Одоевский, о котором рассказала д-р филос. наук Татьяна Юрьевна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва). Одоевский как феномен иллюстрирует и удельный вес русско-немецкого интеллектуального диалога, и архетипичность европейской цивилизации. Князь В. Ф. Одоевский, или «Русский Фауст», вобрал в себя основные черты этой культуры, ее красоту и парадоксы. Фауст — это пытливый ум, выразитель крайнего духовного максимализма, стремящийся осмыслить, понять, объять. Он — воплощение сознания человечества, освободившегося от пут средневековой идеологии, являющий синтез человеческого знания. Одоевский успел охватить, кажется, все сферы приложения деятельности человеческого духа. Т. Ю. Сидорина увидела в этом и величие Одоевского, и его главную трагедию. Синтезирующий дух мыслителя проявился также и в его музыкальной деятельности — в попытке совместить европейский музыкальный строй и русский фольклор.

Одним из интереснейших в рамках работы данной секции стало выступление канд. филос. наук, доцента НИУ ВШЭ Петра Владиславовича Резвых о слушателях лекций Шеллинга в России. П. В. Резвых подчеркнул, что огромное влияние на формирование и развитие философской мысли в России осуществлялось не только через печатные труды, но и через лекционную деятельность. Эта важная форма философской работы позволяла развивать мысли в диалоге с аудиторией, открывала возможность варьировать и проживать совместное движение мысли в общении. Лекционная рецепция Шеллинга в России открывает для исследователей и развитие самой шеллинговской мысли, так как дает доступ к материалам, которые не дошли до нас ни в каком ином формате. Докладчик попытался восстановить контекст знакомства русских

интеллектуалов с философией Шеллинга через опыты написания, чтения и передачи конспектов шеллинговских лекций и обратил внимание на перспективы этого исследовательского подхода. Данные по такой коммуникации могут пролить свет на многие влияния и на характер диалога между немецкой и русской мыслью XIX века.

В докладе магистра НИУ ВШЭ Якова Геннадьевича Шепеля был проанализирован опыт обучения русских студентов в Кёнигсбергском университете. Данная тема также обозначена как сфера потенциально обширного исследования и изучения новых источников. Шепель рассматривает Кёнигсбергский университет как интересную узловую точку, где реализовывалось русско-немецкое общение во всем его разнообразии. Большая часть русских студентов там — выходцы из черты оседлости, что объясняет специфику научной деятельности. Это в первую очередь медицинская направленность, а также изучение семитских языков и ориенталистика. Данный аспект также крайне любопытно вписывается в социально-политический контекст того времени и проливает свет на различные варианты создания интеллектуальной среды на университетских площадках.

Заключительный доклад этой секции переносит нас в другой университет на территории Российской империи. Об опыте русско-немецкой коммуникации в рамках Дерптского университета рассказал Владимир Максимович Перекотин (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Данный университет, который изначально был в распоряжении прибалтийских немцев, со второй половины XIX века русифицируется, а потом и интернационализируется. Главной фигурой философского отделения Дерптского университета был Густав Тейхмюллер, представитель неoleyбницианства, родоначальник Юрьевской философской школы. Выступающий рассказал, как Тейхмюллер и его ученики — Озе Яков, Бобров Евгений, Винсент Лютославский — создавали особую форму синтеза русской и немецкой традиции.

* * *

Заседание следующей секции было посвящено философским идеям, интеллектуальной коммуникации и социальному контексту от XIX к XX веку. Обозначенная область крайне обширна, она характерна скорее для историко-философского подхода к выделению основных понятий и выявлению стержневых тем. Первым с докладом «Эволюция понятия “прогресс” в российской общественной мысли конца 1820-х — 1830-е годы» выступил д-р ист. наук Федор Александрович Гайда (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва). Изначально данное понятие пришло из французского дискурса и не переводилось русским анало-

гом. В русской философии существовали размышления и медитации по поводу развития и совершенства, но они не имели такого философского базиса, как французское слово “прогресс”. Впервые оно появляется в заметке Белинского, причем в ироническом ключе. Само понятие было в России знакомо, идея бесконечного прогресса понималась в сфере разума, морали и права. Осмысление понятия с середины 1820-х годов происходило на шеллингианской почве — в сфере права и нравственного совершенствования. После этого русские мыслители будут обогащать область его значений и приложений к другим сферам. У Станкевича — прогресс в искусстве, у Бакунина и Белинского — прогресс в развитии чувства, в искусстве и религии, у славянофилов под влиянием Гегеля — в политическом устройении государства.

В выступлении д-ра филол. наук Ольги Леонидовны Фетисенко (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург) были открыты парадоксы и проведены интересные параллели, касающиеся творчества и жизни К. Н. Леонтьева². Несмотря на ориентированность на Восток, на византийскую культуру, Леонтьев также с большой симпатией относился и к культуре немецкой. О. Л. Фетисенко восстановила различные контексты, в которых неожиданно для многих Леонтьев предстает как германофил. С одной стороны, это личные эмоционально-бытовые симпатии, с другой — интерес и большое уважение к Отто фон Бисмарку, с третьей — увлечение романтизмом, немецкой философией и социологией. Докладчик показала, что германофильство Леонтьева проявилось в различных аспектах и свидетельствует об оригинальном синтезе интересов и симпатий, чаще даже основанных не на фактическом положении вещей, а на воображаемом, умозрительном образе немцев и немецкого.

Разговор о Германии, но уже с противоположной оценкой, продолжил Леонид Люкс (Католический университет г. Айхштэтт, Германия, МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), выступив с докладом «“Что делать?” Ленина и “Основы XIX века” Чемберлена как прологи тоталитарных революций в России и Германии». Он восстановил истоки двух идейных течений с крайне разрушительным потенциалом — расовые учения и теории классовой борьбы — через два соответствующих программных манифеста. Родились эти идеологии в либеральном контексте, однако в XX веке они обрели свою разрушительную мощь, из-за чего Люкс говорил о двойной тоталитарной революции XX столетия. Книга Чемберлена была программным чтением для многих в Германии и за ее пределами на

² Текст доклада был опубликован в журнале «Философические письма. Русско-европейский диалог» (2021. № 4). — *Примеч. ред.*

рубеже веков, несмотря на свой псевдонаучный характер, который не скрывал и автор. Чемберлен был самым важным предшественником национал-социалистического движения. Люкс обрисовал два тоталитарных государства как две воплощенные в жизнь утопические идеи. Их либеральные противники, не мыслящие в апокалиптических категориях, заняли скорее оборонительные позиции и не смогли предотвратить последующие трагедии, которых далеко не все ожидали. Пример России крайне показателен. К началу XX века Россия не подходила для реализации марксистского проекта, формальных и содержательных предпосылок для него не было, однако это не помешало сторонникам данной утопии прийти к власти.

В докладе д-ра филос. наук Ольги Анатольевны Жуковой (НИУ ВШЭ, Москва) была затронута тема философии С. Н. Трубецкого во всем многообразии ее составляющих, иногда парадоксально уживающихся друг с другом. Трубецкой — это одновременно и религиозное мировоззрение, и христианское учение, и метафизика всеединства, и глубокое знание западной философской традиции, в частности немецкого идеализма. В центре его внимания, как это обычно бывает у русских философов, — проблематика разума и веры. Вариант Трубецкого — это специфический синтез, где немецкий идеализм используется в качестве сетки категорий, определяющей структуру мышления как такового, то есть как форма. Таким образом, немецкий идеализм предстает у философа как теоретический инструментарий, который определяет понятийно-языковую систему. При этом содержание, которое в этот логический каркас вписано, является исконно русским с превалированием христианской мысли. О. А. Жукова подробно показала, как, используя основные идеи немецкой классической философии и насыщая их религиозным контекстом, Трубецкой создал учение о внутренней соотносительности вещей и теорию конкретного идеализма.

Со сходной задачей — выявить пересечения, влияния, опыты интерпретации немецкой классической философии, но применительно к А. Ф. Лосеву и его концепту Единого, — выступила канд. филос. наук Ирина Викторовна Гравина (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Докладчик вовлекла слушателей в контекст системы Лосева, после чего восстановила ее сходство и различие с Кантом, Гегелем, Шеллингом. Основной сближающий принцип — внутренняя интенция, направленность на логичность и системность. Можно сказать, что Лосев дискутировал с немецкой традицией, исходя из собственной установки на христианский неоплатонизм, обновляя язык платонизма с помощью немецкой методологии и критически переосмысливая немецкую классику.

Заключительный доклад был прочитан канд. филос. наук Александром Сергеевичем Цыганковым (Институт философии РАН, МЛРИД НИУ ВШЭ, Мо-

сква), который реконструировал контекст общения С. Л. Франка с немецкими философами национал-социалистами, а также его биографические перипетии после прихода партии Гитлера к власти. Противоречивый контекст эпохи, несмотря на многочисленные сложности, угрозы физической расправы, запугивания, способствовал возникновению контактов и встреч Франка с немецкими философами, поддерживающими национал-социализм. Особенно интересны отношения между ним и Карлом Августом Эмге, на которых А. С. Цыганков остановился подробно. Можно сказать, что эти данные раскрыли перед нами такие особенности и парадоксы системы, которые обычно рассматриваются обезличенно.

* * *

Работа следующей секции — «Модерн: синтез культур» — проходила во второй день конференции, 20 ноября. На ней были рассмотрены модернистские подвиги в эстетической парадигме, предлагающие взгляд на эпоху изнутри произведений искусств или из сферы теоретического искусствоведения. Связь между философией и литературой, философией и преломлением мысли в искусстве и культуре сложно оспорить, но особенно это характерно для эпохи Модерна. Данная секция была не самой многочисленной по количеству докладов, зато отличалась особенной внутренней логикой и эргономикой повествования, которой свойственны пересечения и параллели.

Первый доклад был зачитан д-ром филос. наук, проф., заведующим МЛРИД НИУ ВШЭ Владимиром Карловичем Кантором, который продолжил магистральную линию поиска, выявления и анализа русско-германских культурных связей. В. К. Кантор обратился к роману «Огненный ангел» Валерия Брюсова, действие которого происходит в средневековой Германии. Возврат к Средневековью может лишь поначалу немного смутить читателя, так как интуиция Серебряного века связана со средневековой тягой к мистическому, магическому и дьявольскому, которую вскрывает Брюсов и осмысливает в актуальном для него контексте. Докладчик привлек также к рассмотрению философию В. С. Соловьева, причем сразу в двух аспектах: с одной стороны, это София, Вечная женственность и божественное откровение, а с другой — это страх явления Антихриста, общий эсхатологический настрой современной ему русской культуры и общества, боязнь проникновения демонических начал в наш мир. Несмотря на личную неприязнь этих двух мыслителей и поэтов, их роднит общее ощущение — предчувствие трагедии. Хронотоп средневекового Кёльна у Брюсова — это сеттинг, который завуалированно говорит в первую очередь о России и о метафизических, философских вопросах, которые ставит

автор. Особенно здесь выделяется поэтика женских персонажей романа. Женщина у Брюсова — носитель дьявольской силы, нечто потустороннее. Апокалиптические настроения эпохи, рубеж веков, предчувствие большой войны, социальные, политические, экономические и культурные сдвиги будто кристаллизуются и выводятся все разом в тотальном опасении и страхе женского. Соловьевская София никуда не уходит, но в нее становится всё сложнее искренне верить, как в XX веке всё сложнее будет верить в онтологический примат Бога над Дьяволом. В. К. Кантор включил в разговор и контекст личной жизни Брюсова, как его индивидуальный опыт взаимодействия с женщинами, так и общий социальный сдвиг в сторону феминизации и эмансипации. Удивительно, что именно образ Германии помог писателю проникнуться демонизмом эпохи и приобщить к этому чувству своих читателей.

Второй доклад, прочитанный на секции, также оказался связан с темами опасения, социальной нестабильности, стихийности и с ощущением необходимости вырваться. Д-р филол. наук Алексей Иосифович Жеребин (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) в трех этюдах обозначил основные вехи проекта русского фрейдомарксизма. Понятие «фрейдомарксизм» принято связывать с такими леворадикальными мыслителями, как Вильгельм Райх, Герберт Маркузе, Эрих Фромм, которые проводили модернистскую переоценку ценностей, анализируя предпосылки социальной и интеллектуальной революции в психоаналитической терминологической системе. А. И. Жеребин, в частности, процитировал Николая Осипова: «Революция — это сновидение, где исполняются вытесненные желания». Применяя психоаналитические установки З. Фрейда к анализу русской культуры, мы обнаруживаем структуру эсхатологического мифа, синтез праксиса (изменение изжившей социальной реальности) и поэзиса (производство новой реальности). В эстетической плоскости это движение выразилось в авангарде и было описано у Л. Д. Троцкого. Инструментом реализации авангардистской мечты стал психоанализ, мечта о возможности овладеть стихией бессознательного в собственной душе. Выступающий обратил внимание на важность диалога с немецкой культурой, особенно с понятием игры у Шиллера. Центр проекта русского фрейдомарксизма — это чистая внутренняя потребность в свободном творчестве, но в марксистском контексте, то есть с сопутствующей социальной революцией, с переходом «из царства необходимости в царство свободы». Новый человек — это художник, совершающий творческий акт социальной революции, длящейся до тех пор, пока не наступит коммунизм, который характеризуется состоянием полного удовлетворения без необходимости что-либо вытеснять. Этот проект как критический, так и позитивный, как социальный, так

и эстетический. Эстетическая модель новой реальности заключается в преодолении всего, что уродует человека. Русская революция стала той искрой, которая зажгла искреннюю веру в возможность нового мира, искоренения бессознательного. Однако в реальности этого не случилось, а из советского пространства мысль Троцкого была полностью изгнана. Следует отметить, что здесь тоже обнаруживается русско-немецкий диалог, так как на Западе эти рассуждения были подхвачены и переосмыслены, например, представителями Франкфуртской школы.

Д-р филол. наук Анастасия Георгиевна Гачева (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Москва) продолжила тему демонизма эпохи Модерна. Она обратилась к проблеме ее генезиса и рассмотрела альтернативный проект, который можно разработать для будущего. Реконструируя мысль философа, эстетика и поэта А. К. Горского, А. Г. Гачева коснулась проблемы зарождения трагического синтеза искусств у Р. Вагнера и Ф. Ницше, которая восходит к античным корням. Горский, размышляя над эстетическим и этическим германизмом и ницшеанством, воспринял трагический синтез как необходимость бессмысленного противостояния неизбежной судьбе, року, как напряжение, трагический крик, отчаяние и эстетизацию, как единственный способ выстоять перед его незыблемостью. Однако Горский на этом не остановился и предложил альтернативу в виде Христова воскресения и литургического синтеза искусств. Такое несмирение с судьбой, в первую очередь с необходимостью каждому человеку «однажды умереть» (Евр. 9:27), дает надежду людям на спасение, свободу и победу.

В выступлении д-ра филол. наук Юрия Леонидовича Цветкова (Ивановский государственный университет) была поднята проблема Модерна в немецком литературоведении и предпринята попытка осмыслить ее через концепции Х. Яусса и С. Вьетта. Докладчик особо подчеркнул значение таких обстоятельств, как переоценка ценностей, обращение к субъективному, потеря целостности опыта, отчуждение, парадоксальное сосуществование свободы и раскрепощения, эстетическая революция. Кроме того, была проанализирована оппозиция рационализму, делавшая упор на чувство и волнение.

Последний доклад представила канд. искусствоведения Алена Владимировна Григораш (НИУ ВШЭ, Москва). Она на конкретных примерах проанализировала идеализм Винкельмана, его влияние на русское изобразительное искусство и вообще на теорию прекрасного в целом. Дело в том, что белый цвет мыслился им как цвет красоты, возвышенности, «благородной простоты, тихого величия». Данная установка Винкельмана до сих пор влияет на нас, несмотря на то что ее истоки были подвергнуты критике еще Г. Земпером.

* * *

Работа еще одной секции была посвящена конкретному философу, центральному для генезиса Модерна в Германии — Фридриху Ницше, его связи с русской культурой и философией. Первым был прочитан доклад Николая Викторовича Рябчинского (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Он посвящен рассмотрению идеи вечного возвращения главным образом у Ницше и Достоевского. Выступающий обратил внимание на предвосхищение Достоевским множества ницшеанских концептов. Было установлено, что Ницше читал Достоевского во французском переводе и одобрительно относился к его идеям. Схожесть с ницшеанским вечным возвращением можно усмотреть во фрагменте из «Братьев Карамазовых» о кошмаре Ивана Федоровича — такое предположение высказывал еще Томас Манн. Однако, по мнению Н. В. Рябчинского, полноценный сравнительный анализ на основе концепта вечного возвращения выстроить едва ли удастся, тем более что Ницше вряд ли читал непосредственно «Братьев Карамазовых». Однако удастся, и очень успешно, отследить следы этой идеи и связанные с ней тематики у различных философов, указать на их общую интуицию. Здесь станут актуальны и античные корни ницшеанского концепта, и философия абсурда Альбера Камю с его «Мифом о Сизифе», и статья Николая Страхова, которая, по мнению Дмитрия Чижевского, могла стать источником идеи вечного возвращения для самого Достоевского, и даже стоики. Таким образом, идея вечного возвращения в каждом конкретном случае оказывается вписанной в более обширную систему или более общую критику — антихристианскую, модель множественности миров, абсурдистскую, антипросвещенческую.

Тему параллелизма между русской литературой и Фридрихом Ницше продолжила преподаватель Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова Виктория Львовна Шохина. О значимости этого немецкого философа она выразилась так: «Воздух в России насквозь пропитался Ницше». Его интуиции и способ философствования совпадали с духом места, духом России в ее вечной тяге к чрезвычайности. Философия Ницше не всем нравилась, но всех интересовала. В. Л. Шохина привела множество примеров существования персонажей в русской литературе, которые были пропитаны Ницше и обыграны с разных сторон — как в положительном, так и в отрицательном ключе. Исследовательница выделила героя повести «Учитель» Иеронима Ясинского как первого ницшеанца в русской литературе. Почти идеальным ницшеанцем можно назвать фон Корена из «Дуэли» Чехова. Также можно привести в качестве примера рассказ Леонида Андреева «О Сергее Петровиче», где выражено неоднозначное отношение к немецкому философу. У Куприна в «Поединке» ницшеанская фигура выведена в пьянице. Однако выведение пер-

сонажей и использование ницшеанской бравады не всегда соответствовало духу самого Ницше — например, у Гумилева и Брюсова. А вот Маяковскому удалось поймать внутреннюю энергию и агрессивный пафос ницшеанства. После прихода советской власти дух Ницше не выветрился сразу, о чем свидетельствует «Котлован» Платонова и работы Зоценко. Пафос ницшеанства становится специфической частью русской литературы — органичной и неорганичной одновременно.

Как бы в продолжение предыдущего доклада PhD, проф. Януш Добешевский (Институт философии Варшавского университета, Польша) рассказал о рецепции Ницше в марксистское и советское время. Выступающий заявил, что сопоставление Ницше и русской мысли — не искусственная историко-философская операция, а вполне реальные отношения, имеющие теоретическую ценность. Русская философия и философия Ницше часто имели общий интерес, они концентрировались вокруг взаимосвязанных вопросов. Почти все русские философы использовали существенные элементы мысли Ницше. Похожие отношения связывали немецкого философа с кругом русского марксизма, однако эти сюжеты не столько популярны и известны. В них особенно видна противоречивость и амбивалентность понимания Ницше. На рубеже веков можно выделить две предпосылки такой связи. С одной стороны, это общие мотивы критики буржуазного или мещанского общества, с другой — необходимость обсуждения проблем человеческой личности в марксизме. Я. Добешевский подробно описал суть критического анализа и интерпретацию А. Луначарского учения Ницше. Луначарский полагал, что определенные идеи и концепции Ницше могут помочь марксизму стать качественным инструментом, «чрезвычайно ценным оружием для нашей марксистской оружейной палаты». Разрыв Ницше с марксизмом вызван идентификацией его философии с нацизмом, однако сегодня она оспаривается определенным кругом исследователей, которых проанализировал докладчик, не признается ими как необходимая и даже мыслится как абсурдная.

В завершение ницшеанской секции был прочитан доклад Даниила Антоновича Морозова (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) о важности Ницше в философии и жизни Я. Э. Голосовкера. Ницше, «вечный спутник» Голосовкера, занимал место не только постоянного философского собеседника и интеллектуального ориентира Якова Эммануиловича, но ощущался им как источник общего духа, как особенное, избранное. Голосовкер не только читал Ницше, но и переводил, анализировал его труды, однако при жизни философа ни одна работа о нем так и не была опубликована. Стоящие за этим сложности с издательством «Академия» приоткрывают особую экзистенциальную тоску по возможности

вступить в диалог с «вечным спутником». Д. А. Морозов привел архивные материалы, корреспонденцию Голосовкера, подтверждающие его особо трепетное отношение к немецкому мыслителю: «От Ницше я не отступлю, это кусок моей жизни». Опыт взаимодействия Голосовкера с Ницше открывает нам чувство подлинного понимания и знания этого мыслителя, которое прослеживается в содержании философии самого Голосовкера. Докладчик привел целый ряд таких совпадений, от более локальных — как выстраивание единого мифа жизни с опорой на конкретные произведения, до глобальных — как отказ от трансцендентного происхождения ценностей культуры и представление о философии как искусстве.

* * *

Секция конференции, обозначенная как интеллектуальные диалоги, стала заключительной. Первый доклад, прочитанный д-ром филос. наук Алексеем Алексеевичем Кара-Мурзой (Институт философии РАН, МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), явился вступительным ко всей секции и подытоживающим словом для прошедших докладов. По его мнению, феномен русского европейца вшит в ДНК русской мысли. Быть русским патриотом — это и значит быть европейцем. А. А. Кара-Мурза выделил два направления в России начала XIX века — французское и немецкое. Французский трек шел в сторону политической философии, это обстоятельство хорошо было прослежено в докладе Федора Александровича Гайды. Немецкое направление, особенно в период расцвета немецкой философии, — это пути достижения человеческого самосовершенствования. Но ему не чужд и политический дискурс, о чем свидетельствует в том числе Станкевич, который сам был наполовину немцем, как и множество видных русских интеллектуалов. По мнению докладчика, русское политическое сознание родилось из космоса Станкевича и расширилось в самых разных политических направлениях.

Следующий доклад Юлии Андреевны Агарковой (МЛРИД НИУ ВШЭ) был сосредоточен вокруг перевода В. А. Жуковского и его оригинала — баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли». Агаркова предложила включить в контекст размышление Мишеля Фуко из работы «Надзирать и наказывать» об одной из последних публичных казней второй половины XVIII века, описанной с максимальной жестокостью. Это примерно тот рубеж, на котором представление о сущности пенитенциарной системы трансформируется. В дальнейшем осуществляется отказ от публичности и от казнимого, клейменого тела. Начинается эпоха карательной сдержанности, где главной регулирующей силой становится возможность влиять на душевное состояние, а не на физическое, и

желание воспитать, исправить человека. «Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение» Шиллера — это размышление о способности театра проникнуть в сознание зрителей и даже его каким-то образом изменить — можно представить как альтернативу судебной системе. Жуковский в своем переводе сохраняет ощущение ужаса от этого театрального представления, однако сглаживает суетность и динамичность оригинала и на первый план помещает психологические реалии, ощущение торжества справедливости и неминуемого божественного наказания. Обобщает перевод и оригинал как раз обращение не к телесному наказанию, а к воздействию на душу.

Далее выступила аспирант Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Марина Владимировна Жукова с докладом, посвященным интерпретации П. А. Флоренского кантовских антиномий. Флоренский не случайно обратился к этому сюжету, так как для него антиномии стали неотъемлемой характеристикой картины мира. Из четырех кантовских антиномий философ особое внимание уделил первой и последней. Подход Флоренского к Канту является критическим и оценивается неоднозначно, в особенности из-за более широкой трактовки русским мыслителем антиномий.

Доклад аспиранта Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Анны Сергеевны Платановой был сконцентрирован вокруг роли личности в философии истории Гегеля и Бердяева. Для обоих историософских проектов характерна определенная структурная данность — вписанность человека в развертывание истории. В таком понимании история предстает как процесс, присущий всему человечеству как целому, он стремится к определенной цели через прохождение неких ступеней, фаз, формаций. Участие индивидов и проявление их личной воли является способом развертывания Духа, исполнением задачи развития и самопознания. Ход мировой истории у Гегеля зависит от личностной практики. Исторические личности — это те, кто преуспел и в наивысшей самореализации, осознанности, и в реализации общинного самосознания. Таких людей в истории каждого периода бывает немного, но они являются квинтэссенцией, продуктом исторического процесса. У Бердяева в «Смысле истории» заимствуются гегелевские мотивы, но многое подвергается критике. В качестве примера выступающая привела критическое отношение русского философа к пониманию прогресса. Бердяев останавливается на личном проживании исторического опыта индивидом, но выводит из него не гармонию с общим развитием истории, а опыт проживания противоречий. Поэтому мыслитель в первую очередь сосредотачивается не на героях, вроде Македонского или Цезаря, которые воплощали гегелевский идеал исторической личности, а на личном, индивидуальном трагизме.

Обсуждение философии Бердяева продолжилось в докладе аспиранта Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Андрея Юрьевича Филиппова, который сосредоточился на рассмотрении его полемики с В. Ф. Эрном. В русской философии прослеживается критическое отношение к немецкой классической философии. Ярким примером последнего является фигура Эрна. Последний утверждал, что Бога убил не Ницше, а Кант, уничтожив доступ к реальности и возведя всю структуру познания на уровень феноменов. Бердяев не защищал немецкий идеализм как таковой, но и не соглашался с линией критики, предложенной Эрном. Он трактовал философию Канта не как милитаризм, но как волюнтаризм, и усматривал в этом сходство и родство с собственным философствованием.

Выступление аспиранта Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Дианы Азатовны Регульской было посвящено проблеме религиозного основания этики в контексте учений Н. Гартмана и Б. П. Вышеславцева. Между системами нравственности обоих философов можно усмотреть много общего, однако критически важны и различия. Этическая мысль Б. П. Вышеславцева глубоко укоренена в христианстве, в то время как Гартман отрицал наличие религиозного фундамента в своем философском проекте. Поэтому крайне любопытно обратиться к аргументации Вышеславцева, который считал, что в этике Гартмана, его наставника, содержатся религиозные основания. И проблема свободы — ключевая в решении данного вопроса. По мысли Вышеславцева, без ориентированности на Абсолют нельзя помыслить ни позитивную свободу, ни совершенный принцип. Кроме того, философ указывал, что система Гартмана является трансцендентной и настаивал на религиозном базисе этики Гартмана.

В заключение с докладом выступила аспирант Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ Юлия Валерьевна Клепикова-Бабич. Предмет ее исследования — вариант выхода из кризиса идеологий, предложенный Георгием Федотовым. Сам Федотов, как младший представитель русского религиозно-философского ренессанса, прошел путь, приведший к разделению марксистских воззрений. На него оказала влияние и классическая немецкая философия. Можно сказать, что Федотов шел по пути соединения, принятия сходств этих двух направлений. Он связывал особую форму соединения революции и христианства с общим мотивом обновления. Федотов осознавал трагические последствия революции, однако полагал, что в результате ее произойдет новый синтез — христианский либерализм.

Информация об авторе: В. А. Кукушкина — студентка 4 курса Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Information about the author: V. A. Kukushkina — 4th year student at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022;
принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 09.02.2022;
accepted for publication 01.03.2022.